

Бедность в структуре российского общества

Бальбот Надежда Александровна

Аналитик Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр»
ORCID: 0000-0002-4157-1921, e-mail: 4454508@gmail.com

Крыштановская Ольга Викторовна

Д-р социол. наук, директор Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр»
ORCID: 0000-0001-5278-0940, e-mail: olgakrysht@yandex.ru

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия

Аннотация

Анализируются восприятие населением бедности, а также отношение к низшим стратам социальной пирамиды общества. Проведено качественное исследование методом фокус-групповых опросов – выделена 21 фокус-группа, в составе которой были представлены три поколения россиян. Гипотеза о том, что низший класс в представлении современного общества – это социальная группа, которая в своей основе объединяет маргинализованные и люмпенизированные слои населения, не подтвердилась. Обнаружилось неприятие сложившейся дифференциации общества: людям социально незащищенных групп, рабочих профессий сложно признать, что по уровню доходов они находятся на нижней ступени социума, и они не видят для себя возможности подняться на более высокий уровень. Выявлено, что у представителей всех трех поколений накопились социальные обиды на государство, которое допустило, что честные труженики оказались на грани нищеты. Социально уязвимые группы ассоциируются у людей с бедностью, беспомощностью и несправедливостью их положения. Безработные – это не только те, кто не хочет работать, но и те, кто не может найти достойную работу в своем регионе проживания и вынужден довольствоваться случайными заработками. Так они переходят в категорию прекариата. Россияне отказываются воспринимать низший класс как норму, соответствующую образованию и уровню квалификации людей с небольшими доходами. Маргинализация происходит как на базе культуры бедности, циклически повторяющихся из поколения в поколение паттернов поведения, так и на базе пауперизма – бедности, основанной на опеке государства посредством социальных программ.

Ключевые слова

Социологические исследования, бедность, социальный статус, низший класс, культура бедности, пауперизм, социальное государство, социальное иждивенчество, неравенство

Для цитирования: Бальбот Н.А., Крыштановская О.В. Бедность в структуре российского общества // Вестник университета. 2025. № 7. С. 189–199.

Poverty in the structure of Russian society

Nadezhda A. Balbot

Analyst of the Scientific Centre for Digital Sociology “Yadov-Centre”
ORCID: 0000-0002-4157-1921, e-mail: 4454508@gmail.com

Olga V. Kryshchanovskaya

Dr. Sci. (Sociol.), Director of the Scientific Centre for Digital Sociology “Yadov-Centre”
ORCID: 0000-0001-5278-0940, e-mail: olgakrysht@yandex.ru

Russian State University for the Humanities, Moscow, RussiaAbstract

Abstract

The article analyses the population’s perception of poverty as well as the attitude to the lower strata of the social pyramid. A qualitative study has been conducted using the focus group survey method – 21 focus groups have been indentified, which includes three generations of the Russians. The hypothesis that the lower class in the view of modern society is a social group which unites marginalised and lumpenised layers of the population, has been not confirmed. There is a rejection of the existing differentiation of society; people from socially vulnerable groups and blue-collar jobs find it difficult to admit that in terms of income they are at the bottom of society and do not see the possibility for themselves to rise to a higher level. We have revealed that representatives of all three generations have accumulated social resentments against the state, which allowed honest workers to be on the verge of poverty. People associate socially underprotected groups with poverty, helplessness, and injustice of their situation. The unemployed are not only those who do not want to work, but also those who cannot find a decent job in their region of residence and are forced to be content with casual labour, becoming a precariat. The Russians refuse to perceive the lower class as the norm, corresponding to education and skill level of people with low incomes. Marginalisation occurs both on the basis of the culture of poverty, cyclically repeated patterns of behaviour from generation to generation, and on the basis of pauperism – poverty founded on state care through social programmes.

Keywords

Sociological studies, poverty, social status, underclass, culture of poverty, pauperism, welfare state, social dependency, inequality

For citation: Balbot N.A., Kryshchanovskaya O.V. (2025) Poverty in the structure of Russian society. *Vestnik universiteta*, no. 7, pp. 189–199.

ВВЕДЕНИЕ

Социальная структура российского общества переживает период трансформации, что отмечают многие исследователи. Наибольшее количество работ, как правило, посвящено среднему классу как самому многочисленному и значимому. Для понимания структуры в целом не менее важны как высший, так и низший классы общества. Богатство и бедность есть проявление крайних статусных позиций в социальной системе. При этом богатство, будучи символом успеха, рассматривается как желательное для большинства, а пораженчество и самоустранение проявляются у тех, кто разочаровывается в возможностях достичь желаемого [1]. Несмотря на то, что, по данным различных исследований, уровень бедности в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) снижается¹, тем не менее в той или иной степени она затрагивает большое количество россиян, а численность людей, находящихся за чертой бедности, повышает актуальность изучения как причин попадания на низший уровень общественной пирамиды, так и необходимую степень поддержки со стороны государства тем, кто там оказался [2].

Согласно ст. 7 Конституции РФ, Россия является социальным государством, которое обеспечивает государственную поддержку нуждающихся граждан, развивает систему социальных служб, устанавливает государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты, которые постоянно совершенствуются и становятся более адресными². По данным Федеральной службы государственной статистики, уровень бедности в РФ в целом за 2023 г. составил 8,5 % и достиг исторического минимума за весь период наблюдений с 1992 г.³ В то же время в обществе наблюдаются явления социального иждивенчества, когда отдельные категории граждан живут за счет государственных средств, не работают, что часто сопряжено с маргинальными проявлениями. На государственных телевизионных каналах можно увидеть конкретные примеры, когда многодетные матери рожают детей вне брака ради получения пособий, появляется когорта так называемых бедных рантье – граждан из числа сирот, которых государство обеспечивает бесплатным жильем. Они объединяются в компании, живут в одном помещении за счет сдачи в аренду социального жилья, не работают и ведут маргинальный образ жизни. Такие категории формально имеют малый доход, но не стремятся его повысить. Таким образом, мы видим все новые категории, которые по своим параметрам могут быть отнесены к низшему классу, при этом часть из них порождается самим государством.

В зависимости от подхода к изучению низшего класса, в числе признаков, которыми объединены представители этой категории, выделяют проживание в отдельных рекреациях (гетто), которые, в соответствии с П. Бурдые, концентрируют вокруг себя все негативные полюса: алкоголизм, отказ от традиционных семейных ценностей, отсутствие постоянного дохода и места работы [3].

Особая актуальность исследования особенностей низшего класса обусловлена необходимостью понимания не только категорий, составляющих этот класс, который находится в стадии становления, но и отношения общества к данным категориям, а также его самоидентификации относительно данного класса. Является ли уровень доходов главным критерием или восприятие своего классового положения влияет на границы низшего класса? Какую роль отводит общество государственной поддержке уязвимых слоев?

Гипотеза нашего исследования состояла в том, что большинство людей относят к низшему классу в основном маргинализованные и люмпенизированные слои населения, которые не только находятся за чертой бедности, но и отличаются соответствующими особенностями поведения и стиля жизни. Мы предположили, что низший класс в представлении современного общества – это социальная группа, которая в своей основе состоит из бомжей и людей, ведущих аморальный образ жизни, занявших самую нижнюю страту в силу иждивенческих настроений, нежелания социализироваться и поддерживать достойный уровень жизни.

В работе мы приведем данные авторского исследования, в нем будем отталкиваться от всех аспектов, которыми респонденты характеризуют представителей низшего класса.

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. Режим доступа: <https://www.hse.ru/tlms/> (дата обращения: 22.03.2025).

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/6e9322b9a111e965ab5650f7f01bf0039d6a29c6/?ysclid=m4krefrwm0256710247 (дата обращения: 22.03.2025).

³ Федеральная служба государственной статистики. Неравенство и бедность. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 22.03.2025).

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Стоит коротко отметить, что отношение государства к бедным слоям населения менялось с течением времени. В XVII в. церковь и камералистское государство использовали дисциплинарные методы власти для изоляции бедности [4]. Возникло такое понятие, как пауперизм, обозначающее представителей низов, которые трудились в специализированных учреждениях и должны были носить на одежде маркировку с буквой «Р». Пауперы были зависимы от благотворительной помощи, которая выделялась им в обмен на их труд внутри отведенных для них территорий либо за их пределами. Общество считало, что они сами виноваты в своей бедности, они подвергались осуждению, и это считалось нормой. По словам Ю.Д. Градина, проблема бедности соскальзывала в область моральных категорий, где подлежала осуждению [5].

В XVIII в. бедность признавалась неизбежным и неустранимым явлением, которое выступает следствием промышленного роста и экономического развития [6]. Основной причиной нахождения в низшем классе все еще считались низкие моральные нормы и вредные привычки людей, которые в основном были представителями малооплачиваемых рабочих профессий. Начиная с XIX в. происходит переход от дисциплинарного государства к социально защищающему. Л. фон Штейн пишет о превращении государства в орган обеспечения благосостояния всех классов [7]. Далее происходит постепенное развитие идей социального государства, которое в XX–XXI вв. трансформируется в концепцию государства всеобщего благосостояния [8; 9].

Начиная с середины XX в. сформировались два основных направления определения причин и особенностей бедности. Структурный подход предполагал наличие в обществе определенных позиций, часть из которых обеспечивали тем, кто в них находится, определенный доход, необходимый для поддержания нормального существования. Все остальные, кто не сумел их занять, вне зависимости от своих качеств, оказывались в нижней страте общества и, следовательно, были вынуждены существовать в бедности. Второе направление утверждает, что ценности людей, живущих в бедности, играют важную роль в сохранении их бедственного положения, они передаются из поколения в поколение. Антрополог О. Льюис ввел понятие «культура бедности», которая влияет на мировоззрение, характер и стремление людей, а также на социализацию их детей, которым впоследствии очень сложно вырваться за пределы низшего класса [10]. Как правило, индивиды с культурой бедности характеризуются как маргинальные, ограниченные узким кругом собственных проблем, ареалом проживания, отсутствием образования, классового сознания и стремления расширять свой кругозор. Они чувствуют себя незащищенными, зависимыми и существуют, несмотря на программы по борьбе с бедностью, которые предлагает государство. При дальнейшем изучении стратификации общества с опорой в первую очередь на культурные факторы, в частности, У.Л. Уорнером были выделены низший-высший класс, представители которого отличались малоквалифицированным трудом, и маргинализированный низший-низший класс выпавших за пределы общества людей, оказавшихся на самом его дне [11].

В условиях капиталистического строя поддержка людей, оказавшихся в низших стратах, не входила в государственную политику, каждый должен был полагаться только на свои ресурсы и возможности. Как отмечал К. Поланьи, «...пока заработная плата субсидируется обществом, капиталистический строй не может функционировать по-настоящему» [6, с. 96]. В процессе трансформации к социальному государству происходит перераспределение доходов в пользу поддержки нуждающихся, что, в свою очередь, порождает социальное недовольство и споры о необходимом уровне поддержки представителей низшего класса.

В России понятие низшего класса, который отсутствовал в советский период в соответствии с принятой идеологией, получило предпосылки к формированию в процессе перехода к рыночной экономике. На данном этапе исследование формирования такого субъекта, как низший класс, недостаточно разработано в отечественной социологии. Проблемы бедной и малоимущей части населения рассматриваются во многих научных работах таких исследователей, как Н.М. Давыдова, Л.Н. Овчарова и др. [12; 13]. Проблематике низшего класса посвящено гораздо меньше материалов, она раскрывается в исследованиях прежде всего Н.Е. Тихоновой, а также М.К. Горшкова, С.С. Ярошенко и др. [14–16]. Ряд работ посвящен социальной политике государства и ее влиянию на формирование низшего класса. Е.Д. Слободенюк приходит к выводу, что этот класс пересекается с бедностью лишь на треть, а зона социального неблагополучия значительно шире официальных оценок и требует увеличения количества мер социальной политики государства [17]. Ю.П. Лежнина считает, что государство способствует воспроизводству низшего класса, хотя и сдерживая отчасти его превращение в андеркласс [18].

Д.В. Петросянц в своей работе отмечает, что для целого ряда регионов РФ характерна проблема, известная как «порочный круг бедности»: сохраняющаяся низкая производительность труда порождает небольшие доходы и отсутствие мотивации [19].

Стоит подробнее остановиться на анализе масштабов и причин бедности в России, основанном на данных общероссийских эмпирических исследований, проведенных Федеральным научно-исследовательским социологическим центром Российской академии наук в 2003 г., 2013 г. и 2023 г. Ученые, изучая в течение 20 лет как объективную (по доходам), так и субъективную (по самооценкам респондентов) бедность населения, зафиксировали не только снижение доли бедности среди россиян, но и увеличение дифференциации в портретах и особенностях представителей этих двух групп. Объективно бедные меньше отличаются по оценкам своего положения и возможностей в разных сферах от населения в целом, что говорит, с одной стороны, об относительно неглубоком характере бедности по доходам, а с другой – о скромном уровне жизни «типичного» россиянина. Бедные по самооценке отличаются повышенным уровнем пессимизма и тревожности. При этом, по мнению исследователей, группа является гетерогенной и не сводится в составе к пенсионерам как основному адресату социальной политики. Степень недовольства окружающей действительностью и ощущение беспомощности среди них сократились, а бедность по самооценке не является следствием высокой материальной зависимости от государства [20].

Исследуя в 2023 г. восприятие бедности населением качественным методом на основе проведенных фокус-групповых опросов, другой коллектив российских ученых пришел к выводу о том, что большинство бедных в России осознают ограничения своего материального положения, однако назвать себя бедными или малоимущими не готовы. При этом и выхода за пределы низшего класса они для себя не видят, называя причинами своего положения массу внешних, не зависящих от них обстоятельств, которые не позволяют им повысить собственный жизненный уровень [21].

В нашей работе мы изучим мнение самих россиян о бедности, низшем классе и его государственной поддержке. Кроме того, у нас будет возможность сравнить данные, полученные от разных возрастных групп, в том числе респондентов пенсионного возраста. Мы выясним, каково отношение общества к низшему классу, кого оно видит в нем и как характеризует этих людей; готовы ли респонденты отнести себя или своих родственников к низшему классу и какова его доля в российском обществе, по мнению людей; сочувствуют ли граждане данной категории или, наоборот, считают виноватой в том, что они оказались на дне.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве эмпирического материала были взяты данные фокус-группового исследования, проведенного в феврале-марте 2023 г. в четырех крупных городах РФ (Москва, Волгоград, Томск, Новосибирск). Всего было опрошено 205 чел. в рамках 21 фокус-группы. Для выявления поколенческого среза данных все респонденты были поделены на три когорты: молодежь (возраст от 18 до 25 лет), их родители (возраст от 36 до 54 лет) и бабушки и дедушки (возраст старше 55 лет). Социализация каждой группы происходила в разное время, поэтому мы фиксировали также различия в отношении к низшему классу представителей каждого поколения.

В ходе проведения фокус-групп респондентам были заданы вопросы о том, к какому классу они относят себя, своих родителей и кого, по их мнению, следует отнести к низшему классу в современной России. Полученные данные были формализованы, анализировались качественным методом с использованием стенограмм с последующей типологизацией по выделенным характеристикам, применялся контент-анализ данных.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для того чтобы понять отношение представителей трех поколений к низшему классу и определить, какое место он занимает в социальной структуре российского общества, при проведении опроса мы попросили респондентов для начала определить своими словами, есть ли в России низший класс и кто, по их мнению, в него входит.

Большинство респондентов признали существование этого класса в РФ, однако разошлись в оценке доли, которую он занимает в российском обществе. Чем младше был возраст опрошенных, тем большее место они отводили для низшего класса. По оценке представителей поколения М (молодежь), в среднем более половины общества можно причислить к низшей социальной страте. Респонденты средней

возрастной категории (П) чаще отмечали, что доля низшего класса составляет примерно 30 %, но постоянно растет. Старшее поколение (С) затруднялось с выделением четкой доли, но отмечало, что в низший класс может попасть каждый, вне зависимости от его исходной классовой принадлежности. Наиболее распространенными при описании данного класса стали экономические критерии, отражающие доходы и возможность делать покупки, а также критерии, по которым можно судить об образе жизни представителей низов (см. таблицу).

Таблица

Критерии, по которым люди относятся к низшему классу (с точки зрения респондентов)

Группы критериев	М (≤ 35 лет)	П (36–54 лет)	С (≥ 55 лет)	Всего
Экономические (заработная плата, доход, возможности покупок)	55,7	38,8	45,6	46,8
Материальные (обладание определенными вещами)	24,3	6,0	8,8	12,7
Образ жизни	68,6	71,6	66,2	68,8
Образовательные (уровень образования)	11,4	6,0	11,8	10,2
Профессиональные (представители определенных профессий)	24,3	32,8	50,0	35,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание: сумма по колонкам не равна 100,0 %, так как респонденты могли давать несколько ответов одновременно

Составлено авторами по материалам исследования

Респонденты старшего поколения чаще других опирались на профессиональные признаки при определении состава низшего класса общества. Около половины респондентов при определении социального статуса обозначали среднемесячный доход, который должен быть меньше среднего по стране. Самым распространенным цифровым показателем, на который ориентировались люди, стал прожиточный минимум. Тех, чьи доходы в месяц не превышают этот показатель, чаще всего причисляли к социальным низам. Однако молодежь склонна причислять к низшему классу людей с более высокими ежемесячными доходами, медианное значение которых составляет 50 тыс. руб.

Стоит особо подчеркнуть, что респонденты таким образом заведомо относили к низшему классу людей, работающих и получающих доход, а не тунеядцев и маргинальных представителей общества. Более того, в глазах молодежи люди, получающие заработную плату, равную среднему показателю в отдельных регионах страны, являются низшим классом⁴.

Если говорить о ресурсах, которыми могут обладать или, напротив, не обладать представители низшего класса, то наиболее часто респонденты всех возрастных категорий отмечали отсутствие собственного жилья либо наличие жилья без удобств (воды, газа, канализации). Стоит отметить, что при этом имелись в виду не люди без определенного места жительства, а те, кому приходится снимать жилье, делить его с другими (иметь лишь комнату в квартире). Невозможность обеспечить свои базовые потребности в питании, жилье, достойной работе, медицинском обслуживании, образовании, поездках стали критерием попадания в низший класс.

В целом большинство респондентов считают, что в основном на низшем уровне социальной пирамиды оказываются люди, не имеющие высшего образования. Однако второе по популярности место заняли ответы, в которых люди признавались, что в низший класс можно попасть вне зависимости от уровня образования.

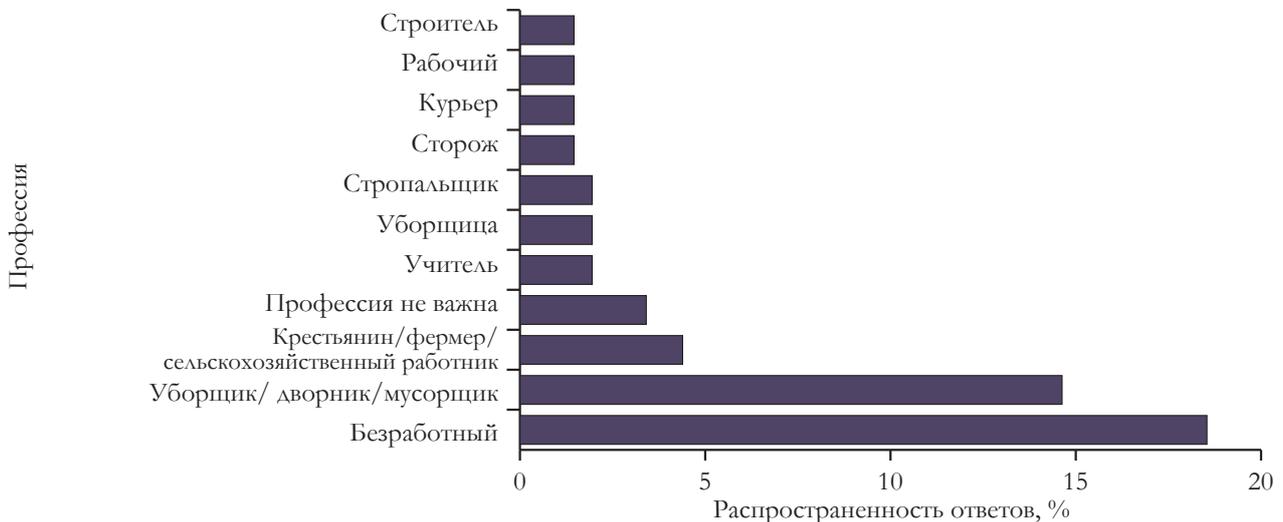
Таким образом видно, что в большинстве случаев речь не идет о лицах без определенного места жительства и маргиналах; опрошенные признают: в низший класс можно попасть со среднестатистическим доходом (работая), без жилья и даже с высшим образованием.

Наша гипотеза о том, что социальные низы воспринимаются большинством населения как маргинализованные слои, не подтвердилась. Напротив, многие опрошенные высказали уверенность, что

⁴ РИА Новости. Рейтинг российских регионов по зарплатам – 2023. Режим доступа: <https://ria.ru/20231120/zarplata-1910154567.html?ysclid=m30q1m6swf861159670> (дата обращения: 22.03.2025)

бедные – это честные и трудолюбивые люди, которым просто несправедливо мало платят. Таким образом, мы установили, что бедность в российском обществе нормализована, в отличие от богатства, которое считается несправедливым и нечестно приобретенным. Кроме того, косвенно респонденты винят в положении низшего класса работодателей, крупнейшим из которых является государство.

Что касается профессиональных признаков, присущих низшему классу, то чаще всего респондентами упоминались такие профессии, как дворник, сельскохозяйственный работник, рабочий, строитель, грузчик и курьер. Самую большую когорту низшего класса, по мнению опрошенных, занимают те, кто остались без работы либо не смогли ее найти (рис. 1).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Профессии и деятельность представителей низшего класса, по мнению респондентов

Таким образом, мы видим, что рабочий класс, фактически заменявший в советские годы собой низший класс, ушел из оперативной памяти населения. Синие воротнички представлены в коллективном сознании курьерами, продавцами, грузчиками и строителями. Маргинальные слои не воспринимаются людьми как норма. Нет преемственности из прошлого об ущербности и маргинальности низших слоев, к которым относился класс рабочих и крестьян.

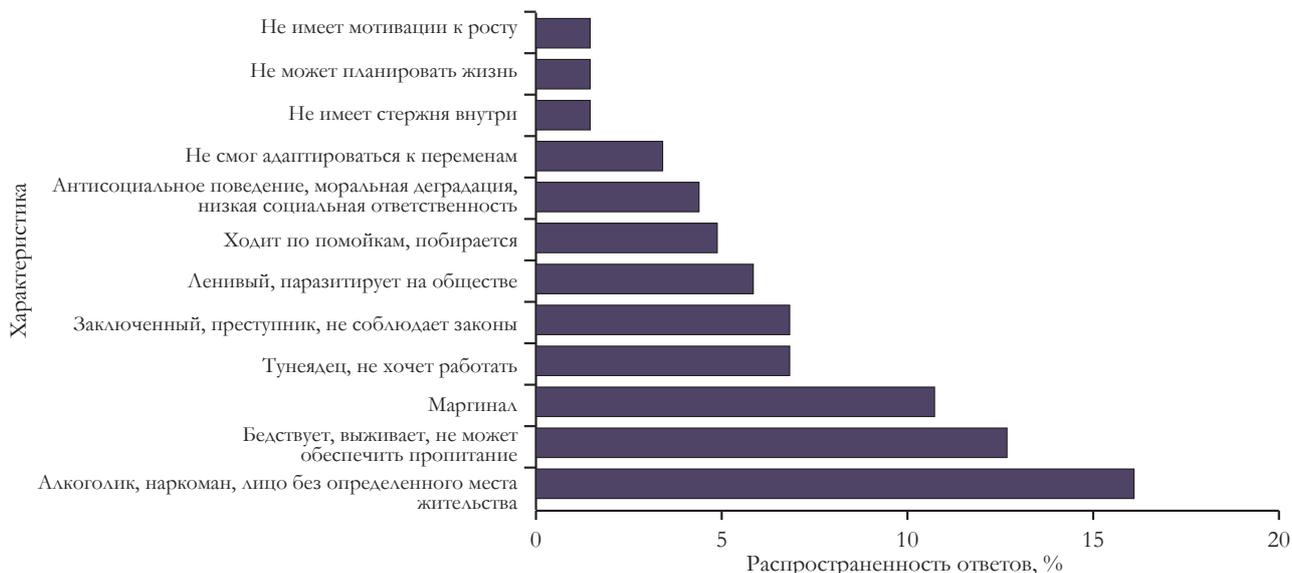
Алексей, 28 лет, старший инспектор в районной администрации, Волгоград: «Я считаю, что есть какие-то определенные ступени этой лестницы и их больше должно быть. И к низшему классу стоит отнести тех, кто общество полностью позорит, подводит или еще что-то там, – те же самые алкоголики, бомжи, убийцы, заключенные. Тот, кто действительно относится к низшему классу. Ни для общества не делает, ни для себя, ни для кого, только ухудшает это. Следующая ступень уже из тех... Еще раз говорю: мало ступеней».

Что касается образа жизни, присущего представителям низов, то, по мнению респондентов, в целом он имеет три основных признака. В первом случае это необходимость ежедневно бедствовать, выживать, добывая себе пропитание. Люди буквально заняты только необходимостью хоть как-то закрыть свои базовые потребности, и на большее уже не остается ресурсов и возможностей. Они вынуждены побирать вещи и искать вещи на помойках. Также бедняков характеризуют дезориентация в жизни, растерянность, неумение адаптироваться к реалиям, планировать собственную жизнь, отсутствие мотивации к росту. Третья категория ведет асоциальный, маргинальный образ жизни, занимается тунеядством, пренебрегает законами, принятыми в обществе, злоупотребляет вредными привычками (рис. 2).

Бедность, которую поддерживает государство благодаря социальной помощи, пауперизм, напротив, нашла подтверждение. Самой большой когортой, связанной с низшим классом у респондентов, оказались люди, основной доход которых составляют государственные дотации (рис. 3).

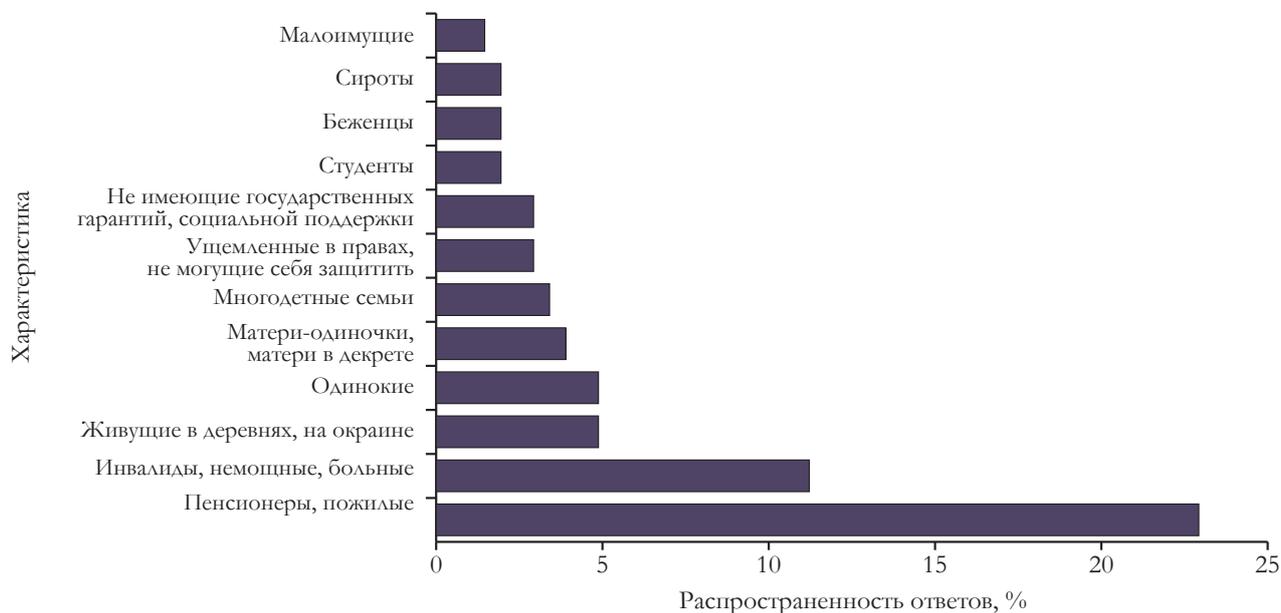
Важно отметить, что, помимо профессиональных сообществ, в категорию низшего класса попало большинство слабозащищенных слоев населения: инвалиды, пенсионеры, многодетные, сироты, матери-одиночки, а также жители деревень и сел. Говоря об этих категориях граждан, люди часто использовали термин «несправедливость», говорили о безвыходности их положения, низких социальных гарантиях, невозможности положиться на помощь государства. Чаще всего их упоминали представители среднего

поколения. Социально незащищенные группы в количественном плане при описании низов общества ставились наряду с маргиналами, тунеядцами и морально деградировавшими людьми; респонденты признавались, что по качеству жизни они часто оказываются на одном уровне.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Образ жизни, который ведет представитель низшего класса, по мнению респондентов

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Представители низшего класса, по мнению респондентов

Евгения, 36 лет, сотрудник отдела миграционного учета медицинского университета, Томск: «Я вот смотрю, как у меня родители живут, отец-инвалид, копейки доплачивают. Он не может работать, нужны деньги постоянно на операции, лечение. Если бы не мы, не знаю, как он бы жил. Если бы не мы, то ему было бы очень тяжело».

Интересно, что при ответе на этот вопрос люди старшего поколения часто начинали с высказываний типа «О, пенсионеры самые низкооплачиваемые люди!» Действительно, в целом пенсионеры – самая распространенная социальная группа, которая ассоциируется у респондентов с низшим классом. Ее упоминали чаще, чем такие группы, как лица без определенного места жительства, алкоголики, маргиналы или преступники.

Анна, 38 лет, сотрудник Сибирского государственного медицинского университета, Томск: «В первую очередь все-таки пенсионеры. Самые у нас обиженные. Потому что очень маленький доход, не все могут даже дотянуть до следующей пенсии».

Елена Алексеевна, 65 лет, пенсионерка, Новосибирск: «Значит, пенсионеры, которые имеют еще меньше, особенно сельское население. Там как раз низший класс, потому что у них, возьмем тот же Алтай, заработок ниже, пенсии маленькие, а коммуналка очень большая. И вот выжить особенно в деревне, в сельской местности тяжело».

Культура бедности, выраженная в маргинальности, ощущении беспомощности, зависимости, непричастности также нашла отражение в ответах респондентов. Они как пришельцы в своей собственной стране, убежденные, что существующие институты не служат их интересам и потребностям. Наряду с этим чувством бессилия широко распространено чувство неполноценности, личной недостойности. Стоит отметить и признаки «гетто», которое люди определяют прежде всего в сельских районах.

Анатолий, 44 года, командир отделения пожарной части, Волгоград: «...когда едешь по деревням тушить дома и людей спасать, там есть такой класс, когда они еще не пенсионеры, но в то же самое время у них есть дом, а работы нет, допустим, одинокие мужчины, они шабашат по деревне. Есть дом и только шабашка. Он пойдет там пошабашит, заработает там двести-триста рублей, пойдет купит там на них хлеба, макарон и все».

Однако на прямой вопрос, считают ли они лично себя низшим классом, большинство людей старшего поколения начинали уклончиво отвечать о том, что нет, но и до среднего не дотягивают. То есть фактически признавали, что являются некоей прослойкой, существующей как бы между этими двумя классами. При ответе на вопрос, к какой социальной группе они бы отнесли своих родителей, лишь респонденты старшей возрастной группы признавались: их родители были из низшего класса общества.

Стоит отметить, что ни один из респондентов в произведенной выборке не отнес себя к данному классу. Лишь 10,4 % поколения П и 32,4 % поколения С считают, что они представители класса ниже среднего. Из молодежи также не оказалось никого, кто идентифицировал себя с теми, кто находится ниже средней отметки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выявлено, что у честных тружеников накопились социальные обиды за бедность и нищету. Гипотеза о том, что низший класс в представлении современного общества – это социальная группа, которая в своей основе объединяет маргинализованные и люмпенизированные слои населения, не подтвердилась. Чаще всего при упоминании низшего класса респонденты называли социально уязвимые группы, такие как пенсионеры, сироты, многодетные, инвалиды, одинокие. Эти группы ассоциируются у людей с бедностью, беспомощностью и несправедливостью их положения. Они не виноваты в своей бедности, государство не обеспечило им достойный уровень жизни, в то время как они не могут в силу обстоятельств обеспечивать его сами. Кроме того, в низший класс попадают люди, которые честно трудятся, часто их труд тяжел, но при этом они имеют нищенские заработные платы, при которых едва могут позволить себе лишь самое необходимое. Безработные – это не только те, кто не хочет работать, но и те, кто не может найти достойную работу в своем регионе проживания и вынужден довольствоваться нестабильными заработками. Большинство респондентов считает, что бедные не виноваты в своей бедности, в ней виновато государство.

Конечно, маргинальные и криминализованные слои также являются составляющими низшего класса, однако респонденты склонны определять их как дно общества, так как не могут поставить их в один ряд с пенсионерами и инвалидами.

Также обнаружилось неприятие сложившейся дифференциации общества, согласно которой людям социально незащищенных групп, рабочих профессий сложно признать, что по уровню доходов и социального багажа они находятся на нижней ступени социума и не видят для себя возможности подняться на более высокий уровень. Это является фактором, который приводит к демотивации карьерного и личностного роста, и проблемой социального развития представителей упомянутых социальных групп, вызывает чувство социальной несправедливости у общества в целом. Российский низший класс характеризует как бедность, основанная на культуре бедности, циклически повторяющаяся из поколения

в поколение, так и пауперизм – бедность, которую поддерживает государство посредством социальной помощи. Необходимы осознание проблем и выработка мер по их преодолению со стороны государства.

Список литературы

1. Мещерякова Н.Н. Аномия в сложном обществе. Вестник МГИМО Университета. 2014;2(35):201–207. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-2-35-201-207>
2. Тихонова Н.Е. Низший класс в социальной структуре российского общества. Социологические исследования. 2011;5(325):24–35.
3. Бурдьё П. Социология политики. Пер. с фр. Е.Д. Вознесенской. М.: Socio-Logos; 1993. 333 с.
4. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. Пер. с фр. И.К. Стаф. СПб.: Университетская книга; 1997. 576 с.
5. Гранин Ю.А. Государство модерна. Национальный и социальный векторы эволюции. М.: Академический проект; 2021. 371 с.
6. Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. Пер. с англ. А.А. Васильева, С.Е. Федорова, А.П. Шурбелева. СПб.: Алетеия; 2002. 320 с.
7. Штейн, фон. А. История социального движения во Франции с 1789 года. Пер. с нем. Том 1. СПб: Типография А.М. Котомнца; 1872. 305 с.
8. Эрхард А. Благополучие для всех. М.: Дело; 2001. 300 с.
9. Виттенберг Е.Я. Социальная ответственность власти. М.: Российский государственный гуманитарный университет; 2020. 686 с.
10. Lewis O. The culture of poverty. Society. 1963;35:7–9. <https://doi.org/10.1007/BF02838122>
11. Уорнер У.А. Социальный класс и социальная структура. Рубеж (альманах социальных исследований). 1997;10–11:42–57.
12. Давыдова Н.М. Депривационный подход в оценках бедности. Социологические исследования. 2003;6(230):88–96.
13. Овчарова А.Н. Бедность и экономический рост в России. Журнал исследований социальной политики. 2008;4(6):439–456.
14. Тихонова Н.Е. Низшие классы в России (теоретические и методологические предпосылки анализа). Общественные науки и современность. 2010;4:26–36.
15. Горшков М.К. Социальные неравенства как вызов современной России. Вестник Института социологии. 2010;1(1):24–47.
16. Ярошенко С.С. Бедные в социальной стратификации постсоветской России. Рубеж (альманах социальных исследований). 1998;12:158–174.
17. Слободенюк Е.А. Жизненные риски и низший класс в России. Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2019;1–2(128):43–54.
18. Лещина Ю.П. Низший класс в России: роль социальной политики в замедлении процесса его формирования. Журнал исследований социальной политики. 2011;4(9):455–472.
19. Петросяц Д.В. Социальное неравенство и бедность как факторы сдерживания долгосрочного экономического роста. Власть. 2020;1(28):64–69. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i1.7043>
20. Белопащенко П.В., Слободенюк Е.А., Мареева С.В. Объективная и субъективная бедность в России: что принесли последние 20 лет. Вестник Института социологии. 2024;4(15):34–59. <https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.4.3>
21. Назарбаева Е.А., Халина Н.В., Пишняк А.И. Хроническая бедность в России: опыт качественного исследования. Социологические исследования. 2024;11:48–58. <https://doi.org/10.31857/S0132162524110042>

References

1. Mescheryakova N.N. Anomie in the complex socium. MGIMO Review of International Relations. 2014;2(35):201–207. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-2-35-201-207>
2. Tikhonova N.E. Lower class in the social structure of Russian society. Sociological Studies. 2011;5(325):24–35. (In Russian).
3. Bourdieu P. Political sociology. Trans. from Fr. E.D. Voznesenskaya. Moscow: Socio-Logos; 1993. 333 p. (In Russian).
4. Foucault M. History of madness in the classical age. Trans. from Fr. I.K. Staf. St. Petersburg: Universitetskaya kniga; 1997. 576 p. (In Russian).
5. Granin Yu.G. State of modern. National and social vectors of evolution. Moscow: Academic Project; 2021. 371 p. (In Russian).
6. Polanyi K. The great transformation. The political and economic origins of our time. Trans. from Eng. A.A. Vasiliev, S.E. Fedorov, A.P. Shurbelev. St. Petersburg: Aletheia; 2002. 320 p. (In Russian).
7. Stein von L. The history of the social movement in France, 1789–1850. Trans. from Ger. Volume 1. St. Petersburg: Print. House of A.M. Kotomits; 1872. 305 p. (In Russian).
8. Erhard L. Prosperity for all. Moscow: Delo; 2001. 300 p. (In Russian).
9. Wittenberg E.Ya. Social responsibility of the authorities. Moscow: Russian State University for the Humanities; 2020. 686 p. (In Russian).
10. Lewis O. The culture of poverty. Society. 1963;35:7–9. <https://doi.org/10.1007/BF02838122>

11. Warner W.L. Social class and social structure. Rubezh (almanac of social research). 1997;10–11:42–57. (In Russian).
12. Davydova N.M. Deprivation approach to poverty assessment. Sociological Studies. 2003;6(230):88–96. (In Russian).
13. Ovcharova L.N. Poverty and economic growth in Russia. Journal of Social Policy Studies. 2008;4(6):439–456. (In Russian).
14. Tikhonova N.E. Lowest classes in Russia (theoretical and methodological prerequisites of the analysis). Social Sciences and Contemporary World. 2010;4:26–36. (In Russian).
15. Gorskov M.K. Social inequalities as a challenge to modern Russia. Bulletin of the Institute of Sociology. 2010;1(1):24–47. (In Russian).
16. Yaroshenko S.S. The poor in the social stratification of Post-Soviet Russia. Rubezh (almanac of social research). 1998;12:158–174. (In Russian).
17. Slobodenyuk E.D. Social risks and the low class in Russia. The Russian public opinion Herald. Data. Analysis. Discussions. 2019;1–2(128):43–54. (In Russian).
18. Lezhnina Y.P. The lower class in Russia: the role of social policy in slowing down the process of its formation. Journal of Social Policy Studies. 2011;4(9):455–472. (In Russian).
19. Petrosyants D.V. Social inequality and poverty as factors of continuing long-term economic growth. Vlast'. 2020;1(28):64–69. (In Russian). <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i1.7043>
20. Belopashentseva P.V., Slobodenyuk E.D., Mareeva S.V. Objective and subjective poverty in Russia: what the last 20 years have brought. Bulletin of the Institute of Sociology. 2024;4(15):34–59. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.4.3>
21. Nazarbaeva E.A., Khalina N.V., Pishnyak A.I. Persistent poverty in Russia: a qualitative study. Sociological Studies. 2024;11:48–58. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S0132162524110042>